

Владимир Крупин

Владимир Николаевич Крупин – русский советский писатель, педагог и публицист – родился 7 сентября 1941 года в пгт Кильмезь Кировской области. Один из представителей «деревенской прозы». Пишет на православную тему. Главный редактор журнала «Москва» (1990–1992). Главный редактор христианского журнала «Благодатный огонь» (1998–2003). Лауреат Патриаршей литературной премии (2011).

Почётный гражданин Кировской области (2016).

Игра в «военку»

В Великую Отечественную войну моё поколение входило в возрасте младенцев. Война началась, а мы рождались. Война шла, а мы росли. И Победу помним. И горе, и крики вдов и матерей, и сирот.

И наши игры, которые были, конечно, все военными. Раздавался клич: «Айда в военку играть!» И собирались ментально. В этих играх были и «наши», и «немцы». Бросали монетку, кому кем быть. Делились по-честному. Разбивались на пары, отходили в сторону, договаривались, кто кем будет, подходили к «маткам», «водям».

– Матки, матки, чьи помадки?

Называли на выбор два предмета: буран или вьюга, трава или сено, лыко или мочало, куль или мешок и тому подобное. «Води» по очереди выбирали. Так создавались команды. Конечно, друзьям хотелось быть в одной команде и они, чтобы не попасть в разные, не сговаривались, старались шепнуть своему командиру свой «позывной», кем он назовётся: сосной или берёзой.

После делёжки силы уравнивались, то есть в команду, куда собирался народ поплоше, выталкивали в виде довеска одного-двух из резерва, который крутился тут же. Никто из резерва не оставался без дела, он шпионил в пользу «своей» команды.

Играли всегда в живописнейших местах: лесные опушки, речные обрывы, луга. Чаще в логе, берега которого были в лопухах и кустарниках. Внизу ручей. Берега над ним то глинистые, то каменистые, то песчаные. То ельник, то вереск, то пихта.

Итак, свисток! В начале каждой «войны» ещё помнилось, кто «наши», кто «немцы», но игра была так горяча, обе команды так рвались к победе, так одинаково кричали «ура» и «полундра», что всегда побеждали «наши». Тем более

я не припомню, чтобы хоть раз какая-то команда признала себя побеждённой. И никто и никогда не соблюдал никаких правил, которые вроде бы оговаривались до начала игры, никто не падал после крика: «Падай – ты убит! Падай!» И какие правила, когда захваченные в плен плевали в лицо тем, кто допытывался, где спрятано знамя, когда не хватало только настоящей гранаты, чтобы подорвать себя и врагов, когда уже и резервисты, никого не спрашивая, добровольно ввязывались в бой. Тут уж никакое жюри не смогло бы установить победителя.

В конце игры собирались на поляне, кричали, спорили. Спорили, опять чуть не до драки, чья победа. Но какая победа, кого над кем? Победа была общая. И вскоре обиды: царапины, синяки, кто-то и палкой получил, – не вспоминались. Возвращались сплочённой ватагой. Кровь, потешенная молодецкой игрой, входила в берега. Шли и дружно жалели, что настоящая война нас не подождала, закончилась, а то бы мы повоевали! А то жизнь проходит, и никакого просвета. Уже и знамя над рейхстагом, и вообще мир во всём мире.

И не знали, несмышлёныши, что войн и крови на нас хватит с избытком. Ибо страшна Россия врагам Христа. И всё надеются её убить.

Ну-ну, надейтесь. Хвалилась теляти волка съесть.

Украинский расчёт

Я так люблю Украину, что всё происходящее в ней воспринимаю близко к сердцу. Увидел её вначале из окна вагона в июне 66-го, а потом – во все остальные годы в поездках по ней. Полюбить её очень помог Николай Васильевич Гоголь и то, что в начале 60-х я служил в армии в ракетном дивизионе, который, так получилось, был сплошь из украинских хлопцев. Мы понятия не имели

о каких-то национальных разногласиях. Разве шутка «где хохол пройдёт, там двум евреям делать нечего» для кого-то обидна? Или если меня обзовут москалём, что мне от того? Это ж не лягушатник, не макаронник. Даже приятно: всё был вятским, а тут уже вроде как в москвичи попал. Представить было невозможно, что из-за таких пустяков можно рассориться.

Но пришли в нашу жизнь майданы. И решения Переяславской рады («Волим под царя московского») украинцы, малороссы, стали забывать. А мне не верилось и не верится, что мои сослуживцы стали моими врагами. Да не будет!

Украинизация Украины началась и проходила при Сталине. Государством стала считаться, когда получила право голосования в ООН. Хрущёв – первый секретарь ЦК компартии Украины, затем и первый в СССР. Уничтожал армию и православные храмы. Крым подчинил Украине. Перед Сталиным лебезил, а Сталина ненавидел. Видимо, за то, что тот называл его «толстый голубь Никита», и однажды заставил плясать за сушку к чаю. (Хрущёв сам об этом рассказывал на приёме деятелей литературы и искусства.) И за то ещё, как однажды на просьбу Хрущёва увеличить норму расстрелов, вождь написал: «Уймись, дурак».

Потом «толстый голубь» жестоко отомстил. Всю кровь, все беззакония, все свои неудачи свалил на Сталина. Но вот интересно: много лет надрываются демократы, обливая грязью Сталина и обеливая Никиту, и ничего не выходит. Почему? Сталин собирал страну и укреплял. Да, лично неприятен, да, жесток, но Советский Союз диктовал правила поведения на планете, а Никита страну разрушал и разбазаривал. И в памяти народной как был Никита-кукурузник, так и остался.

Хотя мне лично сердиться на Н. С. Хрущёва не за что. Более того, ему благодарен, из его рук получил отпуск на родину осенью 1962-го. Тогда я был командиром стартового расчёта, который откомандировали в Чапаевку, где на аэродроме готовилась выставка авиационной и ракетной военной техники. Всё красилось и мазалось. Моему расчёту было доверено провести показательный перевод ракеты из транспортного положения в боевое. На это отводилось две минуты.

Тренируясь почти круглосуточно, мы сбавили время до минуты сорока пяти секунд. Ох, и орлы были мои парни: первый номер – Мыкола Гончар, второй – Ваня Падалко, третий – Венька Малых, а водитель, о, водитель – Лёха Чертовских из Белгородской области. А нас поддерживал запасной расчёт, из которого помню Титюру и Балюру. Где вы, парни? Где ты, наш боевой комбат Шелестюк?..

На смотр техники Хрущёв привёз огромное количество иностранцев. Комбат ворчал, мы слышали, что это свинство – показывать врагам секреты. Он подошёл к нам, видно было, волновался. Мы меньше, потому что нам надо было работать, а не смотреть со стороны.

Показ техники начался с самолётов. Они взлетали (тогда я впервые видел вертикальный взлёт; иностранцы хлопались от страха в обморок: русские не будут тратиться на взлётные полосы), самолёты уносились вдаль, мгновенно возвращались после разворота и именно над нами переходили звуковой барьер. Гости глохли. Мы ликовали. Было на что поглядеть.

Подошли и к нам. Надо сказать, что в последнее перед показом утро Шелестюк, пряча глаза, велел (не могу сказать – приказал) подготовить ТЗМ, транспортно-заряжающую машину, в просторечии тэзээмку, то есть заранее отстегнуть стяжки, вынуть чуть не до конца дуги, на которые натягивался укрывающий ракету брезент, от-

крутить чуть ли не до конца винты скрепов, это сокращало, конечно, время на операцию, но, конечно, было обманом. Шелестюк посмотрел на расстёгнутый ворот Лёхи, но в это утро смолчал. Наш Лёха был такой разгильдяй, что командир части пообещал ему демобилизовать его только 31 декабря в одиннадцать часов вечера. Но как водитель Лёха был лучшим в части.

Мы выстроились у пусковой установки. Напряглись. Рванула сирена – команда на перевод ракеты в боевое положение. Лёха рванул тэзээмку, по-моему, с четвёртой скорости, влетел на стартовую площадку и замер перед пусковой установкой с точностью до миллиметра. Потом сержанты говорили, что нам начали хлопать именно с этого Лёхиного рывка. Я ничего не слышал. Тогда я понял, что такое – одно дыхание и одна воля. Всё свершалось в доли секунд. Я был глух для всего, только слышал летящее ко мне: «Первый готов! Второй готов! Третий готов!» Команды мои были помимо меня, я был частью того, что вместе с ракетой вздымалось, поворачивалось, ложилось на направляющие установки, несло к газоотражателю, выходило на курс. Последнее, что я обязан был сделать, – схватить телефон батарейной связи и доложить командиру батареи о готовности. Этого не потребовалось, помешали Хрущёв и маршал Гречко. Они подошли первыми. Мы стояли у готовой к пуску ракеты. Когда Лёха угнал пустую тэзээмку, я не видел. Хрущёв сказал:

– Кто первый, второй год – тому отпуск. Кто третий – досрочный дембель.

Так и сказал по-солдатски – «дембель». Наш мужик! Ох, мы с ним покажем всем кузькину мать! Недаром мы знали частушку: «Подрастает год от года сила молодецкая. По всему земному шару будет власть советская».

Тут к ним подошёл ещё один маршал и что-то сообщил. Хрущёв вспыхнул и гневно закричал:

– Что такое? Какая подтасовка? Повторить!

Мы поняли, что иностранные наблюдатели не верят, что так быстро можно перевести ракету из походного в боевое положение. Ещё бы: подъехать, расчехлить, заправить окислителем, развернуть ракету, сравнять с направляющими рельсиками пусковой установки, загнать по ним ракету на установку, выйти на угол слежения... и всё это за минуту пятьдесят?

Итак, приказали повторить всё сначала. О, здесь за нами следило сто глаз, особенно зырили иностранцы в высоких фуражках. Может, привыкли: что в их армиях их тоже обманывают? Всё у нас проверили: все винты, все ремни.

Хорошо помню тот азарт, то чёткое, почти озорное напряжение, с которым мы радостно и рьяно переводили ракету и первый, и второй раз. А ведь во второй предстояла операция посложнее первой: уже всё было без обмана. Затянуто до предела. Пошла сигнальная ракета, я услышал крик Шелестюка: «К бою!» и дал отмашку Лёхе. Лёха рванул и через секунду, опять же с точностью до миллиметра, поставил ТЗМ около установки. Выскочил из кабины помогать. Это уставом не запрещалось. Парни мои, парни! Пишу сейчас и слёзы проступили, золотые мои парни, стартовый наш расчёт. Что, Мыкола и Иван, неужели мы с Лёхой для вас – кляты москали, кацапня собачья, а? Так вам ваши кашеи бессмертные, по-украински чахлики немерующие, внушают, так? Нет, не верю, седые мои однополчане. Как верил в вас тогда, на аэродроме в Чапаевке.

Как сейчас слышу крик: «Третий готов!», как сейчас срываю трубку связи и кричу в неё: «Изделие к старту готово!»

Итак, нам были даны отпуска на родину, капитан Шелестюк стал майором. А куда же делся дембель Лёха Чертовских? Обманули его наши командиры, не послушались главу государства. А мы уже снаряжали Лёхе почетный дембельский рюкзак, обшитый тряпками с названиями городов Рио-де-Жанейро, Токио, Лондон, Париж, уже достали ему

через макаронников (сверхсрочников) форму ПШ – полушерстяную, а приказа на него всё не было. И не только досрочного, срочного. «Октябрь уж наступил», уже все старики-третьегодники поехали, Лёха оставался. Сам бы он ни в жизнь никуда не пошёл права качать, пошли мы за него. К замполиту.

Мы напомнили о приказе Хрущёва досрочно демобилизовать водителя ТЗМ Чертовских. Замполит обещал помочь. Но помог своеобразно. Лёхе вышел приказ – вырыть огромную яму для общего туалета на сорок посадочных мест, по двадцать с каждой стороны. Помогать ему запрещалось. Лёха молча начал рыть. Когда он ел, когда спал, никто не видел. Он провёл в котлован свет и рыл ночью. Вот ночью, правда, немного подсобляли. Учил нас Лёха любить свободу. Уезжал, разревелся, как мальчишка, бестолково и неловко тыкался губами к нашим щекам.

И мы на будущий год разъехались. Кто на родину, кто поступать в институты. И долго потом снились нам армейские будни. И часто бывало – вскакивали ночью, когда в памяти слуха раздавался крик дневального: «Батарея! Подъём! Тревога!»

Тревога, братья украинцы, тревога! Не тешьте бесов раздорами.

ЧТО СПАСЁТ РОССИЮ?

Почему во все времена существования России на неё нападали, старались её подчинить, уничтожить? Разве только из-за её богатств? Нет, нападавшим само наше существование невыносимо. Почему же к нам такая злоба? Да потому, что Россия идёт за Христом, а все идущие за ним, это предсказано в Писании, будут гонимы. Так что такое отношение к нам со стороны обезбоженного мира нормаль-

но. Православные – то малое и единственное стадо, которое спасётся. Давайте представим, что весь мир отвернулся от Христа и верными ему остались только православные. И мы были бы сильнее всего мира. Так что «разумейте языцы и покаяйтесь, яко с нами Бог».

Мир лежит во зле, мир отошёл от Христа. Единственное, что ещё может его спасти, – это Православие. Тот драгоценный бисер, который получил от Византии святой равноапостольный князь Владимир. А затем и мы, грешные, в водах Днепра. И с тех пор у нас одна история – мы или приближаемся ко Христу, или удаляемся от него. Русские и народы России выращены Православием. Легко представить земной шар единым телом. Но тело не может быть без души. Душа мира – Православие. Если что случится с Россией, остальной мир погибнет тут же. Так что миру пора бы образумиться и не нападать на нас, а лелеять.

Приход молодёжи в церковь испугал и усилил сатанизм, который пришёл на смену государственному атеизму. Враг использовал перестройку для захвата последнего бастиона Царства Божия на земле.

Для этого принимаются усилия на закабаление отроческих и юных душ, идёт пропаганда образа жизни, отторгающего от святынь, разврат называется красивой жизнью, любовью – игры партнёров, внедряется в сознание законность гражданских браков, славится похабность шведских образцов, высмеивается верность и преданность, отроки и отроковицы переделываются в тинейджеров и фанатов. Всё это открывает адские глубины.

Колокола спасения говорят: проснитесь. В конце XIX-го и начале XX-го веков население России прибавлялось на два миллиона ежегодно, сейчас убывает. А прибавить сюда непрерывный холокост абортот? Всё, всё растёт, кроме населения. Растёт наркомания, преступность, сиротство, разводы, растут цены, растёт пенсионный возраст. Помощь

правительства рождающимся детям своевременна, но все деньги уйдут не к русским семьям, а к тем, кто рожает. Курс на благосостояние неверен. Сидит зимой на московском асфальте беременная женщина из Средней Азии, просит милостыню, кормит грудью малыша, около неё ещё два ребёнка. Что ж она аборт не делает? Узбеки живут в десять раз хуже, а рожают в четыре раза больше. У нас голода нет, а мы вымираем.

Должен определиться единственный вектор спасения России, от Бога данный нам курс – курс на православное государство. Навсегда сказано: «Ищите прежде Царствия Божия, и всё остальное приложится вам». И, кажется, нынешний президент это понимает. «Сила государя – в верности Богу, сила государства – в преданности государю, – пишет святитель Филарет Московский и добавляет: – Блаженно Отечество, которое помогает гражданам достичь Отечества Небесного».

Перестройка как средство убивания России началась с удара по молодёжи, по её юному сознанию. Молодёжи не промывали мозги, их просто вышибали. В перестройку увеличилась смертность именно молодых – это показатель того, что молодые стали соваться туда, куда им рано соваться, то есть на место людей опытных. Враг нашего спасения разрушает основы государства, начиная со школы. В неё вводили планирование семьи, валеологию – предмет, возвращающий и убивающий будущее детей, сокращающий рождаемость. Школу оккупировал Единый госэкзамен. ЕГЭ – это выкидыш западного образования, средство воспитания англоязычных биороботов. Этому ЕГЭ не учатся, на него натаскивают. ЕГЭ напоминает кубик Рубика, который усиленно внедряли, обещая, что он развивает пространственное мышление, и долго развивали, пока не заметили, что чем тупее человек, тем быстрее он справляется с Рубиком. Он просто овладевает двумя-тремя приёмами.

И остаётся таким же тупым, но уже очень самоуверенным. То же самое интернет: умнее он не делает, наоборот, затормаживает развитие мышления.

Разрушается культура, борцы с нею подпитаны деньгами, наградами, поддержаны прессой и экраном. Когда награждают циников и хохмачей театра и эстрады и им подобных, я думаю: «Может быть, учреждён орден «За заслуги в издевательствах над Отечеством»? Был же такой опыт в России, когда учреждали награды для врагов России, например, орден Петра Первого Мазепе. Нет, тут награждаются всерьёз за пошлейшие шутки, которые все ниже пояса. Развращение самой целомудренной страны разве не есть дело наказуемое? Гомосексуалисты – это содомиты, получившие имя по городу Содому, наказанному Господом за мерзейший грех. Картина Верещагина «Апофеоз войны» показывает пирамиды черепов содомитов Ближнего Востока. Эту заразу истреблял Тимур-Тамерлан. Он и на Россию шёл. Но Божья Матерь грозно велела ему повернуть войска, ибо в России такой заразы нет. И не будет! Почему не будет? Ведь злу не положено предела, и Конституция разврат не запрещает. Но на всякое зло есть средства, а на это найдутся самые действенные: дни, когда эти извращенцы собираются выйти на улицу, надо объявлять днями ВДВ. Да ещё и мусульмане-братья нам помогут, да продлит Аллах их драгоценные годы и да восславит. Кстати, в ветхозаветном Израиле за такой грех забивали до смерти камнями. В наши времена можно обойтись без камней, но казацкая плеть не помешает. Надо же спасать, надо же вразумлять апостольскими словами «Живущие по плоти Богу угодить не могут» (Рим. 8-8). Или «Тело не для блуда, а для Господа» (Кор. 6-13). Блудники на пять процентов больные, на девяносто пять развратники. Пять процентов лечить, остальных нужно воспитывать. Но что же скажет о нас так называемый цивилизованный мир? Он такой передовой, он

нас настолько обогнал, уже и однополых венчает. Но что нам до того, кто и что о нас скажет. Не любят нас, ну и что? И не любите, лишь бы нас Господь любил. На Страшном суде любые чубайсы пойдут в порядке общей очереди. И отсев будет серьёзный.

Я не взываю к состраданию, когда говорю о своём поколении, как нам доставалось. Жили трудно, ели лебеду, крапиву, ходили в лаптях, но было величайшее счастье любви к Отечеству, семье, друг к другу. Пушкина при коптилке читали. Как целомудренно любили, какие песни пели! Сейчас вместо музыки, гармонии, мелодичности вакханалия ритма и шума. И децибелы, которые рождают дебилов. Это родственные слова.

Враги наши убивают наше прошлое. Убивают любовь к Богу и Отечеству. Но только любовью мы спасёмся. Любить Россию, Отечество, другого не будет. Нет у нас запасной Родины, тут нам жить и умирать, тут оставлять память о себе. Родина – мать, мать – сыра земля, матушка Россия – это навсегда.

Будем брать пример у предков, и мы победим. И кризисов никаких не надо бояться. Интересно, когда в России не было кризиса? В России всегда был кризис. Что бы ни случилось в мире, России всё на пользу. Жить надо спокойно. Не нервничать. «Какие нервы, – говорила святая праведная Матрона Московская, – на войне нет нервов. А мы на войне». Да, на самой главной войне – Христа с Велиаром, света с тьмой. Но это же главное счастье – быть воином Христовым.

И главное желание моего поколения – оставляя земную жизнь, сказать о молодых: «Вот мы, Господи, а вот наши дети. Они так же любят Тебя, Господи, и Россию, которую Ты вручил нам». Вот тогда-то будет не страшно, а радостно пойти из временной жизни в вечность.